

Давид Самойлов: «Тебризские ковры моей печали...»

В 1934 году четырнадцатилетний московский мальчик с Божедомки записал в своем дневнике с сугубой серьезностью: «...говорили о Боге. Решили устроить кружок и прочесть лекции о различных религиях. Я буду читать о буддизме»¹.

Спустя полвека, в 1986 году, суммируя свой немалый запас знаний, Давид Самойлов заметит не без сожаления: «Слаб по Востоку и по богословию»².

И еще одна запись в дневнике, сделанная в 1981 году: «Позитивистская наука XIX — начала XX в. нарисовала свою четкую картину мира. Нынешняя наука видит уже несовершенство этой картины. Два пути познания — научный, западный; внечувственный, априорный — восточный. Казалось, что Восток безнадежно устарел. Теперь возврат к восточному знанию.

Говорили о следующей моей книге, которая должна быть метафизической, то есть приближенной к восточному знанию»³.

Дневниковая и мемуарная проза Давида Самойлова явственно перекликается с его стихами. Это «слагаемые нескончаемой, достоверной и чистой мелодии». «Философ не дремал в нем, а осуществлялся на музыкальный лад, без соединительных мостиков профессионального словоговорения»⁴, — пишет Г. Медведева. Тютчевское ощущение «двойного бытия» — «Все во мне, и я во всем» — оптимистически присутствует в многослойных дневниковых записях Давида Самойлова о литературных, культурологических и метафизических проблемах, не обязательно привязанных к злобе дня. Он был уверен, что «цель людей и цель планет — к Богу тайная дорога», что «сумбур полународа преобразуется в народ», наступит «новая эпоха синтеза, эпоха искусства и философии, которая обуздает слепые, губительные силы века»⁵.

«Хочется третьей прозы, — запись в дневнике, сделанная в мае 1977 г., — прозы, где время и общество не противопоставлены были бы человеку, а сопоставлены с ним на равных. Где было бы отражено, что время и общество все же не способны сокрушить человека как явление культуры, т.е. явление более протяженное, чем время, и более прочное, чем общество»⁶.

Мальчик с Божедомки не стал специалистом по философии Востока и не стал богословом. Он стал большим русским поэтом — влюбленным в просторный мир и в «просторный русский слог», поэтом со своей вселенской идеей «постоянного обновления соборного духа»⁷. «Неверно поймут меня те, которые решат, что я вселенскую идею противопоставляю родине... Важен строй души, строй души свободной, не отделенной от человечества, а соединенной с ним любовью и состраданием»⁸.

Давид Самойлов — поэт пушкинского «классического звучания, прямой наследник поэзии XIX века» (определение академика Андрея Дмитриевича Сахарова). В его стихах незримо присутствуют интонации А.К. Толстого, по наблюдению Владимира Корнилова, и Генриха Гейне — об этом пишет Анатолий Гелескул в предисловии к книге

¹ Самойлов Д.С. Поденные записи. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 16.

² Там же. Т. 2. С. 309.

³ Там же. Т. 2. С. 164.

⁴ Самойлов Д.С. Памятные записки. М., 1995. С. 427.

⁵ Самойлов Д.С. Поденные записи. Т. 1. С. 284.

⁶ Там же. Т. 2. С. 288.

⁷ Самойлов Д.С. Памятные записки. С. 428.

⁸ Там же. С. 410.

стихов Давида Самойлова «Свеча в метели». «Счастливым по природе», он «говорил шутейно и с залетейской тенью, и с ангелом в раю»⁹. Пространство культуры не делилось для Давида Самойлова на Запад и Восток.

*Я вышел ночью на Ордынку.
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час —
Далеко за полночь, далеко
От запада и до востока —
Откуда музыка у нас?»¹⁰*

«Есть поэты, и среди них чудесные, у которых одна песня на всю жизнь. Самойлов — иной, он владел многими регистрами и пробовал себя в разных тональностях, — пишет Анатолий Гелескул. — Для него и вправду все жанры хороши, кроме скучного. И, может быть, потому многие его стихи кажутся виртуозной импровизацией... Самойлов однажды высказался на сей счет: “Не мудрствуя лукаво, я назвал бы истинной поэзией то, что учит меня жить и приобщает к культуре...”

Мы охотно повторяем за Блоком: “Веселое имя — Пушкин”, забывая продолжение: “Роль поэта нелегкая и невеселая”... Давид Самойлов — грустный поэт... Как загадочная тень всего, о чем он сказал и о чем умолчал, — мимоходом оброненная фраза, ответ на анкету: “Поэт прикасается к высшим категориям бытия, которые всегда безнадежны”¹¹.

Он много переводил — в основном европейскую и восточноевропейскую поэзию, хотя есть у него переводы с азербайджанского, грузинского. Переводил Назыма Хикмета. Предваряя цикл «Балканских песен», Давид Самойлов писал: «Эти стихи навеяны чтением народных песен сербов, болгар и румын. В их поэзии я нахожу много общего. “Подражание” не кажется мне словом более зазорным, чем “учение” или, как чаще говорят в наше время, “учеба”»¹².

Стихи Давида Самойлова, которые предложила журналу его вдова Галина Медведева, — удивительное проникновение русского поэта в персидскую средневековую традицию. Здесь открывается еще одна чудесная грань его дарования. Это не просто пленительный экзерсис мастера на экзотическую тему «ширванских соловьев» и «завитков кальяна»; эти легким дыханием овеянные четверостишия — о том, что радости и горести бытия неминуемо восходят к инобытийной красоте мироздания.

*Мы две души, летящих в никуда,
Мы темная небесная руда.
Столкнемся мы и станем звездной пылью,
А люди скажут — новая звезда.*

Можно увидеть в персидском цикле Давида Самойлова образцовое следование восточной традиции и подражание О. Хайяму, а можно увидеть больше — счастливую встречу, распознавание Единого, обретение и воссоединение разрозненного веками и культурами, — увидеть то, о чем писал К.Г. Юнг: «Знакомство с духовностью Востока должно быть для нас... символическим значением того, что мы вступаем в контакт с действующими в нас самих силами...»¹³

Рита Вебер

⁹ Самойлов Д.С. Свеча в метели. М., 1999. С. 188.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Гелескул А.М. Веселое имя. Предисловие / Самойлов Д.С. Свеча в метели. М., 1999. С. 5—12.

¹² Там же. С. 115.

¹³ Юнг К.Г. Йога и Запад. Киев, 1994. С. 148.

Намвадад Куфи

Рубайи:

(с персидского)*

1

Глаза закрою — вижу легкий стан,
Коран открою — ты вошла в Коран.
Сижу и повторяю, как безумный,
Единственное слово — джаратан!

2

Рушанья — свет, а нет Рушанья — тьма.
Рушанья — лето, без нее — зима.
Ну как мне не искать тепла и света,
Не ждать свиданья — посуды сама?

3

Пусть ежедневно лгут твои уста —
Мне ложь твоя, как истина, чиста.
Подлунный мир, улучшенный стократно,
Глядит с обыкновенного холста.

4

Я говорю такую речь, Ханум:
Зачем бояться наших встреч, Ханум?
Ведь все равно прекрасную голубку
От коршуна не убережешь, Ханум.

5

Прости, что я способен изменять,
Что у меня в неделю пятниц пять.
Нам солнце изменяет каждый вечер,
Но утром возвращается опять.

6

Тебя хотел сравнить бы я с луной.
Для каждого привычен свет дневной,
Но за холодный свет ночной царицы
Мы платим семикратною ценой.

7

Я заболел смертельно, Алтын-Чач,
Но «нету жара» — говорит мне врач.
Из всех врачей, что есть на белом свете,
Ты ведаешь одна, что я горяч.

* Эти рубайи вовсе не переведены с персидского, а написаны Давидом Самойловым в середине 50-х годов. Псевдоним составлен из букв его имени и настоящей фамилии. Всегда склонный к игре, шутке и литературной мистификации, на сей раз он демонстрирует профессиональное мастерство, вторгаясь в область восточной поэзии и весьма прилежно воспроизводя ее канон: рифмуются три строчки из четырех, как и полагается в рубайях; выдержаны тематика, лексика и стилистика. Образцом для подражания, скорее всего, послужил Омар Хайям, жизнелюбивая мудрость и эмоциональная яркость которого были ценимы автором и созвучны ему. Интересно, что значительно более позднее и достаточно известное стихотворение Самойлова «Кто устоял в сей жизни трудной» первоначально было помечено: «Из Намвадада Куфи». Так что омархайямские мотивы подспудно, уже не в прямом им следовании, имели гораздо большую длительность, чем время, понадобившееся на то, чтобы сочинить свои собственные рубайи. — Прим. публикатора.

8

Зачем поет ширванский соловей
О розе, что заката розовой.
Нет, я не палец наколол шипами!
Я ранен ятаганами бровей!

9

Ты про других не говори со мной.
Люби любого за моей спиной.
Бог дал нам счастье, разделив загробный
И этот мир прочнейшею стеной.

10

Сердца откроем — будет хорошо.
Пусть нам обоим будет хорошо.
Я знаю: суждено мне пасть в сраженьи,
Пусть перед боем будет хорошо.

11

Гадалка нагадала мне в пути,
Что я умру не позже тридцати.
Да, Алтын-кыз, люби меня живого,
Не стоит верность мертвому блюсти.

12

Люблю коней, чьи гривы — водопад,
Люблю стихи, которые кипят.
Но более всего люблю красавиц
С распущенными косами до пят.

13

Кузнец оружие для меня ковал.
Вся наша жизнь — то битва, то привал.
Целуй, пока молчит труба похода,
И не жалей, что недоцеловал.

14

Ты мне нужна, как парус кораблю.
Ты мне нужна, как крылья журавлю.
Ты мне нужна, как жаворонку песня.
Ты мне нужна, как войско королю.

15

Я был сегодня награжден судьбой —
Ведь целый вечер я провел с тобой.
Ну что ж, Аллах, карай меня за счастье —
Я заплатить готов ценой любой!

16

Ты скажешь «нет!», а я услышу «да!»
Ты скажешь «счастье» — слышится «беда».
Ты говоришь «расстанемся до завтра».
Я знаю, что расстались навсегда.

17

Ущербный месяц осветил Шираз.
Опять прощанье будет мучить нас.
Всегда с тобой встречаюсь, как впервые,
А расстаемся, как в последний раз.

18

Расстанемся с тобой когда-нибудь.
Полюбится другой когда-нибудь.
Сердца погаснут и глаза увянут —
Помиримся с судьбой когда-нибудь.

19

С тобою мы разделены межой.
По-прежнему ты кажешься чужой.
Уж если ты лицо свое открыла,
Так сердце не держи под паранджой.

20

Не утешай меня в беде, Юлдыз.
Слова подобны лебедю, Юлдыз.
Не любишь? Что ж, пойду взгляну на небо,
Там тоже звезды, но не те, Юлдыз.

21

Никак я не могу забыть о ней:
Чем реже вижу, тем люблю сильнее.
Голодному нельзя забыть о хлебе —
Чем реже ешь, тем будешь голодней.

22

Туркмен учил коня не пить три дня.
Разлуке месяц учишь ты меня.
Конь сдох давно, а я пишу рубайи,
Я, следовательно, сильнее коня.

23

Уйду к другой, когда сожгу мосты.
Она почти такая же, как ты.
Какое удивительное сходство —
Она меня не любит, как и ты!

24

Ты нравишься мужчинам, Алтын-Чач.
Не век же быть невинной, Алтын-Чач.
Люби меня, а выйди за другого —
Я не гонюсь за чином, Алтын-Чач.

25

Могучим быть ты можешь, Хан-Темир.
Скалу разбить ты можешь, Хан-Темир.
Но робкую красавицу заставить
Себя любить — не можешь, Хан-Темир.

26

Не оставайся никогда в долгу:
На пулю пулей отвечай врагу!
А я тебе, тюрчанка, нелюбовью
На нелюбовь ответить не могу.

27

Верь только другу, женщине не верь.
Она всегда, как запертая дверь.
Стучится путник. Нет ему ответа.
Кругом темно. Куда идти теперь?

28

Привычка — моль на пряже бытия.
Не говори поэту: я твоя.
Тебризские ковры моей печали
Вдруг станут грудой пестрого тряпья.

29

Мы две души, летящих в никуда,
Мы темная небесная руда.
Столкнемся мы и станем светлой пылью,
А люди скажут — новая звезда.

30

Не жди, Темир, пока любовь пройдет,
Покуда пламя превратится в лед,
Пускай, как птица, раненная в грудь,
Она умрет, не прекращая взлет.

31

Я говорю: откройся мне, Сезам!
Не внемлешь ты ни просьбам, ни слезам.
Пустой Сезам стоит передо мной!
Поверь любви, Темир, не верь глазам!

32

Прошла гроза. Цветами пахнет мед.
Укрылось солнце за хребтами вод.
На мокрую листву спустились звезды
И сад сияет, точно небосвод.

33

Литую чашу подняла рука:
Благословенна будет арака,
Что к дуракам приравнивает мудрых,
И с мудрыми равняет дурака.

34

Сперва мы жизнь вкушаем как вино,
Потом лет тридцать мечемся пьяно,
Потом бодем с тяжкого похмелья,
Но вновь опохмелиться не дано.

35

Кто счастлив здесь, там будет ввергнут в тьму.
Я лучше счастье краткое приму.
Раз суждено нам вечное мученье,
За вечность я привыкну ко всему.

36

Алхимики задумали хитро —
Простой металл переплавлять в добро.
Наука лжет! Алхимик — наша старость,
Что золото низводит в серебро.

37

Курю кальян. Как кудри вьется дым.
Вот так любовь дается молодым.
Уйдут года, как завитки кальяна,
И с пеплом ты останешься седым.

38

Желаю денег, — говорит скупец.
Желаю славы, — говорит глупец.
Желаю знанья, — говорит ученый.
Хочу свободы, — говорит певец.

Публикация Галины Медведевой